

Собака — эпизод 4 из 7

Вижу: человек в синей свитке с заплатами и в рваном картузе, так...
мещанинишко по наружности, стоит ко мне спиной, копается в капустнике. Я подошел к нему. Вы, мол, такой-то? Он обернулся и доложу вам поистине: этаких пронизательных глаз я отроду не видывал. А впрочем, всё лицо с кулачок, бородка клином, и губы ввалились: старый человек. Я такой-то, говорит, что вам надобе? А вот, мол, что мне надобе, да и грамоту ему в руку. Он посмотрел на меня пристально таково да и говорит: Пожалуйте в комнату; я без очков читать не могу. Ну-с, пошли мы с ним в его хибарку и уж точно хибарка: бедно, голо, криво; как только держится. На стене образ старого письма, как уголь черный: одни белки на ликах так и горят. Достал он из столика железные круглые очки, надел себе на нос, прочел грамотку да через очки опять на меня посмотрел. Вам до меня нужда имеется? Имеется, говорю, точно. Ну, говорит, коли имеется, так докладывайте, а мы послушаем. И представьте вы себе: сам сел и платок клетчатый из кармана достал и у себя на коленях разложил и платок-то дырявый да так важно на меня взирает, хоть бы сенатору или министру какому, и не сажает меня. И что еще удивительнее: чувствую я вдруг, что робею, так робею... просто душа в пятки уходит. Нижет он меня глазами насквозь, да и полно! Однако я поправился да и рассказал ему всю мою историю. Он помолчал, поежился, пожевал губами, да и ну спрашивать меня, опять-таки как сенатор, величественно так, не торопясь: Имя, мол, ваше как? Лета? Кто были родные? В холостом ли звании или женаты? Потом он опять губами пожевал, нахмурился, палец уставил да и говорит: Иконе святой поклонитесь, честным преподобным соловецким святителям Зосиме и Савватию. Я поклонился в землю и так уж и не поднимаюсь; такой в себе страх к тому человеку ощущаю и такую покорность, что, кажется, что бы он ни прикажи, исполню тотчас же!.. Вы вот, я вижу, господа, ухмыляетесь, а мне не до смеху было тогда, ей-ей. Встаньте, господин, проговорил он наконец. Вам помочь можно. Это вам не в наказание наслано, а в предостережение; это, значит, попечение о вас имеется; добре, знать, кто за вас молится. Ступайте вы теперь на базар и купите вы себе собаку-щенка, которого вы при себе держите неотлучно день и ночь. Ваши виденья прекратятся, да и, кроме того, будет вам та собака на потребу. Меня вдруг точно светом озарило: уж как же мне эти слова полюбились! Поклонился я Прохорычу и хотел было уйти, да вспомнил, что нельзя же мне его не поблагодарить, достал из кошелька трехрублевую бумажку. Только он мою руку отвел от себя прочь и говорит мне: Отдайте, говорит, в часовенку

нашу али бедным, а услуга та неоплатная. Я опять ему поклонился чуть не в пояс и тотчас марш на базар! И вообразите: только что стал я подходить к лавкам глядь, ползет ко мне навстречу фризовая шинель и под мышкой несет легавого щенка, двухмесячного, коричневой шерсти, белогубого, с белыми передними лапками. Стой! говорю я шинели, за сколько продаешь? А за два целковых. Возьми три! Тот удивился, думает, с ума барин спятил а я ему ассигнацию в зубы, щенка в охапку, да в тарантас! Кучер живо запряг лошадей, и в тот же вечер я был дома. Щенок всю дорогу у меня за пазухой сидел и хоть бы пикнул; а я ему всё: Трезорушко! Трезорушко! Тотчас его накормил, напоил, велел соломы принести, уложил его, и сам шмыг в постель! Дунул на свечку: сделалась темнота. Ну, говорю, начинай! Молчит. Начинай же, говорю, такая-сякая! Ни гугу, хоть бы на смех. Я куражиться стал: Да начинай, ну же, растакая, сякая и этакая! Ан не тут-то было шабаш! Только и слышно, как щенок пыхтит. Филька! кричу, Филька! Поди сюда, глупый человек! Тот вошел. Слышишь ты собаку? Нет, говорит, барин, ничего не слышу а сам смеется. И не услышишь, говорю, уже больше никогда! Полтинник тебе на водку! Пожалуйста ручку, говорит дурак и впотьмах-то лезет на меня... Радость, доложу вам, была большая. И так всё и кончилось? спросил Антон Степаныч уже без иронии.